Семейная история

«...Даю согласие на передачу моего сына для усыновления любую семью по усмотрению органов опеки. В дальнейшем обязуюсь никаких прав на ребенка не предъявлять...»

Бесстрастен деловой тон официального заявления. Но тем сильнее заставляет сострогнуться.

Год назад написала такой «отказ» (так это называется) семнадцатилетняя Светлана К., о которой мне рассказали в комиссии по делам несовершеннолетних. Рассказали, впрочем, немного, назвав ее в числе других. И когда я выразила желание с ней встретиться, инспектор, суровая на вид женщина, замявшись, ответила, что Светлану вскоре после родов мать отправила к бабушке, куда-то на Украину, и что «вообще это случай нетипичный»...

Телефон Светланиной матери я все-таки раздобыла, хотя надежда на то, что она согласится со мной встретиться, была мизерной. Но движения души человеческой непостижимы. И вот я у нее.

Наталья Сергеевна показала меня какой-то мягкой, теплой красотой, за которой трудно было угадать сильный характер. Выглядела она моложе своих тридцати шести лет. Убранство комнаты, куда мы вошли, радовало глаз тем особым уютом (при всей простоте обстановки), который свидетельствует о хорошем вкусе. «Ну да она же художник-декоратор!» — вспомнила я.

Пока Наталья Сергеевна хлопотала на кухне, заваривая чай, я продолжала осматриваться. Большую фотографию на телевизоре не заметить было нельзя. Женщина с девочкой лет пятнадцати — щека к щеке, смеющиеся так безыскусно весело, как могут смеяться счастливые люди.

— Не похожа на трудного ребенка?..

Отметив проницательность хозяйки, я невольно подумала, что разговаривать с ней, пожалуй, будет нетрудно. И словно в подтверждение моих мыслей, она, очередь на смотрев на меня, сказала:

— Я понимаю, вам хочется постичь те глубинные психологические предпосылки, заставившие Светлану совершить поступок, который иначе, как бессердечным не назовешь. Мне и самой хотелось бы постичь. Я была уверена, что хорошо знаю свою дочь. Оказалось...

Она помолчала, потом продолжила:

— Видите ли, я воспитывала дочь одна. Хотя у меня был любящий муж. И я была счастлива с ним.

Увы, счастье изменчиво. Впрочем оно ли изменчиво? Может, наше представление о нем слишком инфантильно?... Ведь не в первый раз! Но раньше это было как-то легко, весело. Мама дала мне... да отправила на юг. Вернулась — так нас обманула! А сейчас разыгрывать такое... зная, как я переживаюсь в чем-то страдать. Может, потому, что я виновата, что оно уходит, если я домогаюсь до совершенства подлинно мною. Или это это нарциссизм? Нет, она стала другой...

Да, подчас воображение доставляет нам больше страданий, чем действительность. Знать бы это! Светлана не знала.

...Сижу и рыдаю, как дурак! Сейчас... в окно, но мама подумает, что я сошла с ума, и... вообще. Уже в который раз...

...Сегодня случайно услышала, как мама говорила по телефону С ним! В чем-то упрекала. Мне было ужасно больно...

Читаю дневниковые записи и невольно вспоминаю слова мудрого Сенеки: «Много мучит нас больше, чем нужно, многое — прежде, чем нужно, многое — вопреки тому, что мучиться нам вовсе не нужно». Увы, поздно приходит к нам мудрость. И далеко не во всем. И уж где ей взять в шестнадцать лет?!

...Мама ходит какая-то подавленная. Видно на нее уж у них все хорошо. Но стоит Кому позвонить, — сразу бежит...

— Как она меня!— горько усмехнулась Наталья Сергеевна.— Вот, помню, я выпрыгнула из окна, что если... вернется на меня, сказала:

— Я понимаю, вам хочется постичь те глубинные психологические предпосылки, заставившие Светлану совершить поступок, который